

STALKER

Вадим Михейкин

[ВИРУС ЗОНЫ]
БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Апокалипсис-СТ

Вадим Михейкин

Вирус Зоны. Быть человеком

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михейкин В. А.

Вирус Зоны. Быть человеком / В. А. Михейкин — «Издательство АСТ», 2026 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-185958-9

Новосибирская Зона. Год как миновала война группировок. С тех пор изменилось многое: торговля, люди, быт. Некогда богатые на хабар кладовые опустели, породив новое, совершенно другое поколение сталкеров, и на смену искателям артефактов пришли копатели черного лома, промышляющие на шлаковых кучах. Бандитские кланы занялись сферой услуг, а за порядком следит негласная полиция – военизированная группировка «Штаб». Для вольного сталкера Сороки этот серый мир – привычная реальность. Но все меняется, когда при загадочных обстоятельствах погибает его коллега и наставник. Чтобы снять с себя подозрения и разобраться в случившемся, Сорока вынужден начать собственное расследование. Его цель – найти свидетеля, чья личность полна слухов. Этот поиск вывернет наизнанку все принципы сталкера и заставит задаться вопросом: что такое – быть человеком.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185958-9

© Михейкин В. А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Вадим Алексеевич Михейкин
Вирус Зоны
Быть человеком

© Михейкин В.А., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1 Сорока

Пожелтевший снимок, сделанный в начале лета, запечатлел трех сталкеров у костра где-то на окраине Болот. Пламя освещает усталые, но улыбающиеся лица. Крайний слева – парень лет двадцати пяти в засаленной куртке и с потрепанным противогазом на шее – жадно уплетает тушенку прямо из банки. Его лицо обведено неровным красным овалом, будто кто-то торопился, выводя эту отметку.

*На обороте кривыми буквами выведено:
«Вольный сталкер Сорока».*

*Новосибирская Зона, юго-западные окраины Больших болот
Временное убежище сталкеров – земснаряд Червь
День*

В пустом зале царило гнетущее молчание.

Впервые за свою карьеру опытный торгош Червь застал такую картину. Во всем его заведении – только он сам и его хмурый охранник, угрюмый сталкер по кличке Жорик. Никаких бесед с ним торгош давно не вел. За отведенное время обсудили уже все что можно и перемыслили кости всем, кого вспомнили. Говорить попросту не о чем. Единственное, что нарушало тишину, – монотонный звон капель по жестяным переборкам. Снаружи шел дождь. Как раз в унисон такому же серому настроению.

Воздух стоял тяжелый, пропитанный машинным маслом да затхлою водой. И, конечно, перегаром. Столы стояли криво, их привинтили к полу болтами. Лампы обмотали изоляцией, словно в лучших советских традициях. Сразу видно – обосновались тут на время и явно в спешке.

Временное убежище пришлось организовать чуть ли не в первом попавшемся укрытии, что подвернулось под руку, – старом, наполовину сгнившем земснаряде на окраине Болот. Барная стойка представляла собой наспех сколоченные доски поверх двух ящиков с патронами. За ней и копошился местный хозяин – Червь. Лицо его выражало одну эмоцию – усталость. Протерев стаканы (хотя тряпка не стирала грязь, а просто меняла рисунок), он не спеша принялся делать какие-то записи карандашом в блокноте. Червь подсчитывал убытки, и каждая новая строка делала прожженного торговца еще смурнее. Лицо, желтоватое в тусклом и давящем свете лампы, кривилось в немой гримасе.

– Дерьмо, – едва слышно процедил он, чиркая грифелем.

У входа на расшатанном табурете сидел Жорик. Последний человек, кто не отвернулся от торгоша в непростое для всех время. Его автомат лежал на коленях, но так, будто владелец и сам не верил, что тот может понадобиться. Если кто и полезет сюда, то это будет либо совсем отчаявшийся путник, либо случайный гость. Но сейчас Червь был бы рад и таким. Впервые за всю карьеру его бизнес пришел в упадок. И оставалась лишь одна надежда – что кризис закончится в ближайший месяц и все вернется в прежнее русло. Иначе хана.

«Временной задницы не бывает. Бывает либо задница – либо все хорошо. Третьего не дано», – вспомнил он свои слова.

Вдруг зажужжал замок двери. Раздался скрип, и внутрь зашел незнакомец в черной накидке. Среднего роста и телосложения, в потасканном снаряжении. Хромой. Уставший. Лицо покрывали грязные бинты, пропитанные чем-то желтым. Из-под повязки проглядывали воспаленные веки, будто обожженные кислотой. Как вариант – парень побывал в аномалии

«конфорка». Руки его сжимали набитый добром рюкзак, на плече висел автомат. А на открытых участках кожи – свежие царапины. «Тук-тук-тук» – костыль, обычная труба, стучал по полу.

– Оружие сдать! Вещи на досмотр! – на автомате вскочил Жорик, но Червь резко стукнул ладонью по стойке:

– Отставить! Ты слепой? Не видишь, сколько клиентов?

Охранник застыл в недоумении, почесал затылок:

– Шеф, но ведь там, снаружи... – начал он.

Червь его перебил:

– Что снаружи? Чего ты посетителя пугаешь? – Он обвел пустой зал руками. – Пускай заходит. Хоть одна живая душа!

Охранник пожал плечами – мол, как скажете – и отступил.

Чужак кивнул в благодарность, похромал к стойке.

Червь оживился, будто ему подкинули пачку патронов.

– Ну здравствуй, путник! Наконец-то гость пожаловал! – И тут же принял деловую стойку, положил руки на самодельную столешницу: – Работа нужна или так, отдохнуть пришел? Ты не стесняйся. Условия пока у нас спартанские, но это временно.

Хромой, похоже, улыбнулся, встал за стойку. Сумка под ноги, автомат сбоку. От него исходил запах смеси йода, пороха и чего-то едкого.

– Приветствую, – сказал он.

Голос охрипший. Червь уже догадывался, откуда прибыл его единственный гость. Из глубокого рейда. Скорее всего – со Ржавчины. Там нынче золотая лихорадка для диггеров, так много туда на заработки ходит. Правда, зарабатывают болячки.

– Пить-есть будешь что-нибудь? – закинул удочку Червь.

Чужак отмахнулся, замотал головой:

– Откажусь. Проводник здесь?

– Проводник? – Улыбка спала с лица Червя.

Пришелец кивнул.

– Тю, твою налево... И ты из Зоны уходишь? Слышал, Жорик? Кризис, елы-палы! Люди заканчиваются. – Он обреченно вздохнул, уже спокойно произнес: – Позже придет твой проводник. Погоду видел? В такой дождь по Болотам... не раньше вечера. И дай бог, чтобы уровень воды от ливня не поднялся. Не уверен я, что наша посуда не утонет. – Торгаш наклонился и многозначительно подмигнул: – Что, парень, много заработал? Не очкуй, все свои тут. Просто ты на сумку свою часто косишься, я и предположил. Сам видишь, нам с Жоркой поболтать нынче не с кем, вот любопытство и прет наружу. Ну что, поделишься, как сходил, сколько заработал, какие планы на дальнейшую жизнь? Ты ж со Ржавчины?

Перебинтованный чужак заозирался, подтянул рюкзак ближе, вздохнул обреченно:

– Со Ржавчины.

– Копатель? – продолжил гадать торговец.

– Копатель.

– А я прям сразу так и понял. Как бинты увидел. Опасное это дело. Ваш брат весь через одного химией заражен, здоровье свое гробит. Но тут не мне судить. Каждый живет как может. – Он тяжело вздохнул, качнул головой сокрушенно. – Ну и как там нынче рынок черного лома? Прет?

– Прет, – кратко ответил гость.

– А я слышал, что диггерам нынче туго. Врут?

– Врут, – кивнул хромой.

– Слышал, Жорик? Диггерам масть поперла. Может, и нам с тобой в копатели податься, а?

Охранник заведения лениво прогнусавил:

– Мне и тут неплохо.
– Конечно, неплохо! Сиди себе и ни хрена не делай!
Незнакомец ухмыльнулся. Рюкзак прижал к телу. Как мать – любимое дитя.
Червь кивнул на сумку, улыбнулся во весь рот.
– Видать, хороший улов?
– Хороший.
– Повезло, – цокнул языком бармен, затем фыркнул: – А у нас тут – сам видишь. Аншлаг, блин!
Незнакомец огляделся, наклонился вперед.
– А что случилось с баром? – спросил он.
Торговец изменился в лице, удивленно уставился на гостя.
– Я ходил туда, на насосную станцию, – пояснил чужак. – Где раньше бар «Чехол» был. А там запустение. Что случилось?
– Мужик, ты с луны свалился? – изумился торговец. – «Чехол» накрылся! Все, капут, хана! Разогнали нас, как тараканов по кухне!
– Кто?
– Издеваешься? Или, может, провалы в памяти?
Чужак отрицательно замотал головой.
– Что, не в курсе, как все Болота на уши подняли? И как военные с Периметра всё с ног на голову перевернули?
– Впервые слышу, – признался тот.
– Да иди ты! Да как о таком не знать? Вся Зона трубит!
Сидящий позади Жорик оживился. Он отложил ПДА и с нескрываемым интересом прислушался к беседе. Незнакомец пожал плечами, придвинулся ближе:
– Месяц на раскопках. Какие уж там новости...
– Во даешь! Жорик, слышал? Мужик о Сороке не знает!
Охранник пожал плечами, изобразил странную гримасу.
– Проводник твой будет не скоро, поболтать не с кем... – после паузы сказал Червь, заиграв массивными скулами. – Так что введу-ка тебя в курс дела. В Зоне, как известно, нужно держать нос по ветру. Даже если из нее валить собрался, все равно клювом не щелкай. Неясно, как оно обернется. Это Зона, братан. Тут все меняется. Всегда. Вот взять бар наш. Уголок стабильности, безопасности. Так теперь и он накрылся! Одно название осталось. А я столько сил на него потратил, столько времени... Все накрылось! И бар «Чехол», и сталкерство, и бизнес мой, зар-раза. А все из-за одного козла!
Он сжал кулак и стукнул по столешнице.
Хромой вздрогнул, его костыль звякнул о металлический пол. Где-то в ответ эхом отозвался этот звук, будто в трюме кто-то шевелился.
– Увижу гаденыша – придушу лично...
Чужак слушал молча. Не перебивал. Торговец собрался с мыслями и продолжил:
– Слышал что-нибудь о Сороке?
– Нет.
– Эта скотина еще пожалеет, что сбежала. Помяни мои слова! Достанет его Зона. А не она, так я сам это сделаю. – Он ненадолго замолчал, затем вроде как нехотя проговорил: – Был тут один. С виду простой парень – как я и ты. Вот он эту кашу и заварил.
Чужак недоверчиво поднял бровь:
– Один сталкер перевернул весь порядок?
– Ты слушай, слушай, – настоял Червь. – И заодно мотай на ус. Сейчас из-за этого Сороки вся долина на ушах. А скоро и вся Зона будет. Короче... Ты про бункер ученых на Болотах в

курсе? – Он рукой указал куда-то в сторону и прокомментировал: – В начале лета тут рядом ученые обосновались. Знаешь?

– Конечно.

– Ну вот, – кивнул торговец. – С ними Сорока работал по мелочи. В основном на уровне «принеси-подай». Провести там, замерить то, поставить это, и вся такая лабуда... Я не спец в этих научных делах. Шестерил на них и копейку имел.

Незнакомец хмыкнул, провел ладонью по столешнице:

– Звучит неплохо. Получше, чем в горах шлака копать.

Червь кивнул и согласился:

– Неплохо, да. Пока ЧП у них не случилось...

И полился рассказ.

* * *

Несколькими сутками ранее

Массивная дверь захлопнулась.

Прозвучал гудок. Сталкера обдало струей воздуха. Гудок повторился, над входной дверью загорелось табло.

«Продувка завершена».

Щелкнули замки, и проход открылся.

Пройдя первичную дезактивацию, Сорока вошел внутрь стального массивного бункера.

Этот научный комплекс назывался «Заря-2» и был по своей сути братом-близнецом своего старшего товарища уже в другом районе Новосибирской Зоны. Только поновее. Гладкие композитные панели обшивки сверкали на солнце. Ни ржавчины, ни потеков – лишь строгие линии, жесткая, суровая функциональность. Этот бункер не ушел в грязь, он приподнимался на гидравлических опорах, будто не желая пачкаться в болоте.

Внутри – свежий, стерильный холодок рециркулирующих фильтров. Воздух без запаха, только легкий привкус озона от работающей техники. Стены – съемные модульные панели, а уже за ними прятались жгуты кабелей и трубы жизнеобеспечения. Но даже за этой идеальной оболочкой скрывалась все та же Зона. Датчики сгорали без причины, генератор время от времени мог сам по себе выключаться. По ночам здесь завывала вентиляция, будто пыталась прорваться внутрь. А последний модуль так и не доставили – там пустота, прикрытая временной перегородкой.

Это не укрытие – иллюзия контроля.

Взяв две тяжелые сумки, Сорока направился к завхозу в технический отсек. Идя по узкому коридору, он свернул вправо. По левую руку – оконце кладовщика. Личность он скрытая, так что всегда прятался за стальной перегородкой. Справа – красная, заклеенная изолен-той кнопка. Рядом подпись: «НЕ ЗВОНИТЬ В ГУДОК!». Сорока поставил сумки, выдохнул.

Вдруг у оконца возник Ковыряшка. С улыбкой до ушей и с привычным идиотским взглядом. Он назло вдавил кнопку.

Прозвучал противный вой, даже уши заложило.

– Для кого написано, гады?! Сколько раз просил не дудеть! – раздался громкий и злобный голос по ту сторону оконца.

Ковыряшка гыгыкнул и тут же скрылся из виду.

– Дядь Саш, привет, я вернулся. – Сорока помахал в узкое отверстие для глаз.

Снова прозвучал знакомый голос:

– Кнопку ты нажал?

– Не я. Ковыряшка.

Раздалось злое ворчание:

– Гаденьш! Паскуда! Как он меня достал уже!

Сорока потоптался на месте, выдохнул.

– Я принес твои сканеры, – напомнил он.

– Все три? Хорош, сталкер. А ну, давай сюда.

Снизу открылось отверстие пошире – для вещей. Ходок по очереди достал из сумок три сложенных научных сканера, так же по очереди сунул кладовщику. Створка закрылась.

Дядя Саша – так звали кладовщика – с шумом развернул их и запустил. Провел проверку.

А после радостно сказал:

– Молодец, Сорокин! Хвалю. Вот бы все как ты...

– Пришлось попотеть, – ухмыльнулся бродяга.

– Зато принес в целости и сохранности. Это, Сорокин, ты к Вершинину заскочи. У него к тебе дело есть.

Сорока напрягся:

– Какое дело?

– Вот зайдешь и узнаешь. И вот еще что – увидишь придурка этого... Ковыряшку... врежь ему от меня, ага? Достал меня, ур-род.

Следопыт хмыкнул, направился в соседний отсек. Он в бункере так и назывался – «научный». Здесь то вместе, то по очереди обитали двое – профессор Земский и профессор Вершинин.

Аркадий Семенович Земский, высокий сутулый дядька пятидесяти лет с проседью в коротко стриженных волосах, по праву был главой бункера и всего лагеря «Заря-2». Он часто морщил лоб и постоянно носил очки с толстыми линзами. Со сталкерами общался нечасто, но иногда привлекал их к работе. Бытовало мнение, что Аркадий Семенович перфекционист до мозга костей. Как-то раз он разбил и собрал заново прибор, что дал ему результат с погрешностью.

Его первый помощник – спец по имени Глеб Алексеевич Вершинин. Ему около тридцати пяти, коренастый, с жилистыми руками механика. Волосы вечно в беспорядке, зато всегда гладко выбрит и ухожен. Гений-самоучка, он мог собрать и разобрать то, что другие считали безнадегой. Потому и занял в бункере должность главного инженера. В отличие от коллеги, он старался поддерживать общение со сталкерами, и все задачи и контакты с внешним миром проходили именно через него. Да, он играл в комплексе не первую скрипку, но без него концерт не состоялся бы в принципе. Он же и поручал работу Сороке.

Земского на месте не оказалось. Зато за рабочим столом как штык сидел Вершинин.

Завидев сталкера, он улыбнулся, пригласил внутрь:

– Уже вернулся? Ты присаживайся.

Сталкер сел на скрипучий табурет рядом.

Как всегда, Вершинин что-то паял за своим верстаком.

– Как все прошло? – с участием спросил инженер.

– Хорошо. Сканеры собрал, проверил. Все работает.

– Проблем не было? – уточнил молодой профессор.

Сталкер отрицательно замотал головой.

– Отлично, – заключил довольно Вершинин. – Ну, теперь осталось только собрать полученные данные и... Так, ладно. Мне же рассчитать тебя надо. Вот, как и договаривались.

ПДА следопыта пискнул. На его электронный кошелек в полном размере пришла оговоренная сумма.

– Спасибо за работу! – Главный инженер пожал руку.

Сорока напомнил:

– Кладовщик говорил, у вас ко мне разговор?

Инженер хлопнул ладонью по столу.

– Да, точно! – Он отложил инструмент.

Позади него мигали и гудели различные датчики на двух громоздких приборах. Один из которых даже печатал отчеты. На краю рабочего стола – электрическая мухобойка, под которой уже скопилась кучка дохлых пауков.

– Ты делаешь хорошие успехи. Не хочешь повышения?

– Повышения?.. – не понял сталкер.

– Буду краток: Земский выбил нам еще финансирование, и мы планируем серьезно расширяться. Я подумал и решил, что хватит с нас частных контрактов с нелегальными лицами. Пора переходить на более серьезный уровень. Ваш брат ненадежен, и нередко случалось, когда сталкеры просто крали дорогостоящее оборудование и сбывали на черном рынке. Поэтому я хочу здесь развернуть научно-оперативную исследовательскую группу. Что это значит? Легальный допуск в Зону, контракты с НИИ и куча различных фишек. И хочу, чтобы ты подписал контракт.

Следопыт решил, что ослышался, прокашлялся.

– Чего? – не поверил он.

– Пора серьезными делами заниматься. Хватит за просто так свое здоровье гробить, Сорокин. Мы предлагаем соцпакет и официальный пропуск. Станешь легальным сталкером. Ну как?

Вершинин сиял от радости, глаза его горели.

Сорокин не мог поверить своим ушам. Предложение от инженера звучало как великая удача. Да какой сталкер не хочет работать в Зоне на легальной основе, получая приличный доход, а не перебиваясь чем придется?

Он непроизвольно сжал в кармане свинцовый грузик – его личный амулет, с которым он не расставался.

«Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумал он.

Глеб Алексеевич добродушно улыбнулся, сказал:

– Ты подумай пока, Сорокин. Не торопись с ответом. Тут у нас не все так просто будет. Подумай до завтра, там скажешь.

Таймер на его приборе загудел, инженер кинулся к нему.

– Зараза, – прошипел он, глядя на распечатку. – Иди пока, погуляй, отдохни. А завтра решим, ага? Только ты смотри: завтра крайний срок. Земский долго ждать не будет.

Сталкер поднялся со стула, кивнул.

– Хорошо. Спасибо, – поблагодарил следопыт.

И покинул бункер.

Сорока распахнул дверь, глубоко вдохнул свежего болотного воздуха, с задумчивым видом поднял глаза к небу. Было еще только утро. В Новосибирской Зоне начинался новый день.

Мобильный бункер «Заря-2» поставили в северо-западной части Больших болот, во дворе старой лодочной станции. По факту это был давно заброшенный причал, заросший болотной тиной и плесенью. Когда-то здесь кипела жизнь – рыбацкие лодки, крик чаек, запах бензина и свежего улова. Теперь – только скрип доков да всплески чего-то крупного в мутной воде. Тут была парочка деревянных построек: изба на сваях и наполовину утопший да покосившийся лодочный ангар.

В центре этого забытого места, словно насмехаясь над запустением, как столб, стоял комплекс «Заря-2» – матовый бункер на гидравлических опорах. Его стерильные стены жутко контрастировали с проржавевшими корпусами катеров, а гуд от генератора перебивал лишь вой ветра в оборванных тросах.

У стены бункера, свернувшись калачиком, дремал Грей – худой отпрыск местной фауны, чумной собаки, что сгинула в аномалии. Чумными их называли, потому как местные дикие псы считались разносчиками заболеваний, например бешенства или еще чего нехорошего. В прошлом месяце маленького щенка принес кто-то из сталкеров на опыты. Дядя Саша сжалился над ним, попросил оставить. Земский сперва не оценил идею, а затем хотел проверить – можно ли приручить мутанта. С тех пор Грей обитал здесь, в окрестностях лагеря, да охранял постояльцев.

Пес увидел Сороку – завилял обрубок хвоста.

– Ну ты, бродяга... – бросил сталкер, погладил того по голове.

Мал еще. Щенок. Зато уже мощные, как и челюсти, клыки. Вместо одного глаза – впадина, которую обработали лекарством. Пес, несмотря на свое происхождение, служил людям верой и правдой.

И тут – смешок.

– О, псина! – Ковыряшка вывалился из-за угла бункера, раскачиваясь, как пьяный болванчик. Он всегда так ходил.

Грей зарычал.

– Ты на кого твякаешь? – Ковыряшка плюнул в сторону пса и резко пнул его сапогом. – Пшел отсюда, щенок!

Грей взвыл, отскочил в сторону.

Сорока шагнул вперед.

– Ты совсем debil?

Ковыряшка захихикал, развел руками:

– Что? Это ж мутант!

– Ты debil, я тебе говорю?

– Да ты че. Это ж мутант, гы-гы.

Ковыряшка был низким, сутулым, с телосложением как у крысы, вылезшей из подвала. Лицо – острое, с мелкими бегающими глазками и вечной ухмылкой, обнажающей желтые зубы. Волосы жирные, будто их никогда не мыли, торчат во все стороны, как если бы он только проснулся после пьянки. Сорока до конца так и не мог понять, почему его вообще здесь держат. И как вообще человек с таким характером не сгинул в Зоне. По характеру – провокатор. Пронырливый. Такие, как он, без мыла в одно место пролезут. Но какой от него толк – для Сороки было загадкой. Была у этого сталкера и поистине идиотская привычка – ковырять свои коросты, отчего на руках они у него никогда не заживали. На вещах он вечно оставлял кровавые следы, из-за чего к его предметам никто и никогда не прикасался. Брезговали. Однако, несмотря на его выходки, все старались не обращать на него внимания. Может, привыкли.

Но этот поступок вывел Сороку. Сталкер схватил Ковыряшку за горло, приподнял и прижал к стене:

– Слушай сюда, урод. Тронешь пса еще раз – я тебе руку сломаю. Понял?

Ковыряшка попытался вырваться. Не вышло.

– Ой, боюсь-боюсь...

Сорока сжал пальцы.

– Не шути со мной, парень.

Ковыряшка закашлял, в глазах не страх – удовольствие.

– Ладно... ладно... – выдавил он.

Сорока отпустил. Ковыряшка потер шею, сплюнул под ноги.

– Ну и вали к своим мутантам... – прошипел он, хватая с земли свой рюкзак. – Или, может, ты сам мутант?

Сталкер строго предупредил:

– Шел бы ты отсюда.

Ковыряшка высморкался, попятился назад.

– Ну-ну. Еще увидимся, Сорока, – процедил он и поплелся в неизвестном направлении.

Грей зарычал ему вслед, прячась за Сорокой.

«Псина чует, у кого гниль внутри», – подумал следопыт.

Сталкер сжал было кулаки, но успокоился. Впереди были дорога в бар и заслуженный отдых. Ровно две минуты он стоял неподвижно, считая удары сердца, прежде чем сделать шаг.

Как всегда перед выходом в Зону, трижды стукнул по металлической стене свинцовым грузиком. Чтобы дорога была легкой. В кармане холодный металл отдавал успокаивающей, как якорь в безумном мире, тяжестью. Сорока напоследок погладил Грея по шершавой шкуре и оставил территорию лагеря.

Остаток дня следопыт провел в баре сталкеров под названием «Чехол» на старой насосной станции. Он находился почти в самом южном районе Новосибирской Зоны и являлся главным пристанищем всех вольных бродяг. Сталкер занял крайний столик и сидел до вечера. В воздухе витал горький запах табака и мужского пота. Дыма было столько, что табличка «НЕ КУРИТЬ» почти утонула в нем. Тут и там решались судьбы: одни нанимались в охрану, другие в проводники, третьи продавали добычу, которая на той стороне Периметра никому даром не нужна. Стены пропитаны годами болотной сырости. Они помнили и взлеты, и падения.

Сегодня «Чехол» был полон. И причина проста: вскорости обещали Вспышку. Всякий раз, когда приближалась эта стихия, в насосную станцию набивалась люди, как шпроты в консервы. Атмосфера как всегда: тихие разговоры, недоверчивые взгляды и пьяные истории.

Сталкер непроизвольно прислушивался к монотонной болтовне бродяг по соседству.

– Видишь вон тот кран? – говорил молоденький копатель. – Он упал так, будто сама Зона в это место пальцем ткнула: «Сиди и не рыпайся». А мы все роем и роем...

Он с товарищами пил весь вечер, жалуясь на жизнь.

– Тычемся-тычемся... а все впустую.

– Ничего-ничего. Чуйка у меня – есть тут что-то... Такое, что все мы еще враз подняться можем. Сейчас только отдохнем чуток – и снова за работу... На новую защиту только накоплю...

– Было бы что искать. А правда, Виталь: что мы ищем?

– Как что? Хабар!

– Ржавый мусор и лом? Этот хабар ты имеешь в виду?

– А ты что хочешь? – не понимал Виталь.

– Раньше сталкеры артефакты в Зоне искали, а теперь?

– Ха, ну ты тоже сказал – артефакты!

Бродяги дружно загоготали, а Виталь добавил:

– Нет их, пацан. Закончились давно. Да и кому нужны? Мне вот – нет. А вам, мужики?

Ему тут же пришло подтверждение от товарищей:

– И нам нет!

– Вот – никому не нужны. Цены в них нет.

Расплачивались тут только через электрокошелек – как и во всей Новосибирской Зоне. Наличка как-то сразу потеряла всякий смысл. Поймает военный патруль или бандиты – пиши прощай. А вот электронные деньги так просто никто не отнимет. Им и веры больше, и украсть никто не сможет. Заработал здесь – потратил за Периметром.

Купюры давно разлетелись по нечистым на руку военным, а монетками сталкеры вместо болтов аномалии шупали.

– Про Астронома слышал? Крутой тип... работает по найму и только с заказчиками с Большой земли. Мужик...

Сорока слушал их вполуха. Иногда ему казалось, будто за ним кто-то наблюдает. Сталкер уже планировал пойти на боковую, как вдруг рядом возник тип по прозвищу Шуст.

– Братан, тебя тут бармен зовет, – тихо сказал он.

– Сейчас?

– Угу.

– Что-то срочное или как?

– Иди уже. Сам все узнаешь. – Он прятал взгляд и словно бы нервничал. Постоянно тербил воротник своей куртки.

Шуст был помощником у торговца, на уровне «принеси-подай». Сорока послушался и, огибая столики, пошел к стойке. Однако там хозяина заведения не застал. Стойка, как ни странно, пустовала. Стоящий рядом смурной охранник бара и по-совместительству телохранитель шефа по кличке Жорик дал знак: мол, босс у себя – и отвернулся в сторону.

Сталкер кивнул в благодарность и, покинув шумный зал, зашел в маленькую каморку позади стойки.

Тут его поджидали трое. Это были не сталкеры – свежий камуфляж, новенькие берцы, лица скрыты масками-балаклавами, и на плечах висели автоматы.

Вот это явление.

– Вы Евгений Сорокин? – спросил высокий, и его голос звучал слишком официально для здешних мест.

Сорока почувствовал, как грузик в кармане будто бы налился свинцовой тяжестью, и достал его, сжал в руке.

– Верно.

– Пройдемте с нами. К вам есть вопросы.

– Что-то случилось?

– Вам знаком профессор Глеб Вершинин?

– Да, конечно. Мы сегодня... – Сорока запнулся. – Утром с ним виделись. А почему спрашиваете?

– Профессор Вершинин трагически погиб.

В ушах зазвенело. Грузик выскользнул из пальцев, глухо стукнулся об пол.

Эти слова ошарашили сталкера. Перед глазами тотчас же промелькнуло утро: Вершинин, увлеченный своим прибором, их разговор о контракте... Неужели это было их последнее общение?

– Как... как это случилось?

– Это мы и пытаемся выяснить.

В горле пересохло, следопыт едва выдавил:

– Не понял.

– Вы последний, кто видел Вершинина живым. Есть пара вопросов. Как к свидетелю.

«Свидетелю», – повторил про себя сталкер.

Следопыта словно окатили ледяным душем, он не знал, что и сказать. Впрочем, слова тут и не требовались.

Сорока машинально поднял грузик с пола. Холодный металл в ладони не давал привычного успокоения.

«Что за чертовщина?» – лихорадочно соображал сталкер, когда автоматные стволы мягко подтолкнули его к выходу.

Незнакомец в камуфляже придержал дверь и сказал:

– Собирайтесь. Ночь будет долгой.

Глава 2

Частный заказ

Снимков несколько. На всех – кровавые ошметки и куски человеческой плоти, а в центре пульсирует гравитационная аномалия «клеть».

Снизу подпись:

«Вершинин Г. А. Погиб от контакта с аномалией».

Земснаряд Червя

День

Хромой сталкер молча листал фотографии. Червь следил за его реакцией.

Дождь все стучал по крыше. Монотонно. Надоедливо.

Перебинтованный вернул торговцу его ПДА.

– Дай угадаю: его в убийцы записали? – спросил он.

Торговец забрал свой коммуникатор, выдал:

– Мимо. Тело профессора нашли недалеко от бункера. Да и не военные за ним пришли.

Частники. Из охраны бункера.

Гость откинулся на спинку табурета с хриплым смехом.

– Частники? – Гость медленно провел языком по потрескавшимся губам. – А я думал, у науки армейская крыша.

– Была. Пока не начали экономить. – Червь постучал по экрану грязным ногтем. – Их ЧОП «Акацией» зовется, если тебе так интересно...

– И ты просто... сдал им парня?

– Я никогда никого... – Червь изменился в лице и ударил кулаком по столу так, что задрожали стаканы на стойке и подскочил засыпавший на посту Жорик. – Это были не киллеры, а свои же – из охраны бункера!

Торговец побагровел, жилы на его шее надулись.

Пришелец примирительно выставил вперед ладони:

– Ладно-ладно. Так что в итоге от него хотели?

– Да хрен его знает! – всплеснул руками Червь. – Сказали, что с ним просто хотят поговорить.

– Сказали?

Торгаш скрипнул зубами, выдохнул.

Хромой гость не стал его подгонять. Глянул на часы.

Где-то в трюме земснаряда капало в такт дождю – будто сама Зона отсчитывала секунды до прихода проводника.

Тишина продолжалась недолго.

– Сказали. – Торгаш внезапно замолчал, прислушиваясь к шуму дождя. – Отвели назад в бункер. Говорил с ним Земский. Глава этих... ученых.

* * *

Несколькими сутками ранее

Ночь

Сорока провел в пустом отсеке бункера больше часа.

Он не был пленником – дверь не запиралась, руки его не были в наручниках. Но чувствовал себя он именно так.

Во-первых, его обыскали еще на входе. Вытряхнули все карманы, отобрали оружие, даже коммуникатор изъяли – будто боялись, что он с кем-то свяжется.

Во-вторых, у двери встали охранники в камуфляже с нашивками ЧОП «Акация». Говорили, что для безопасности. Вот только стволы автоматов были направлены в его сторону.

И в-третьих, они смотрели на сталкера как на приговоренного. Без интереса. Без эмоций. Как на вещь, что в обозримом будущем станет ненужной.

Слюна во рту стала горькой. Сердце колотилось так, что его ритм отдавался в висках.

В голове у сталкера была каша. Его мысли бились, точно муха в стеклянной банке.

Вершинин погиб. Официальная версия – аномалия. Как это вообще могло произойти? За свою карьеру профессор территорию лагеря и не покидал. Не из тех он, кто лезет куда попало.

А если вышел – значит, было что-то очень важное.

Может, на встречу? Но с кем?

Или... его выманили?

В висках стучало. Сталкер судорожно запустил руку в свой карман – нащупал холодный металл. Верный грузик.

Свинец показался влажным – сталкер понял, что сжимает его в потной ладони.

Пол под ногами содрогнулся от легкого землетрясения. На потолке замерцала тусклая лампа. На миг погасла.

Предвестники Вспышки.

Вот-вот Зона разродится бурей аномальной энергии. Разрушительная волна прокатится по земле, убивая все вокруг.

Где-то в вентиляции скрежетал вентилятор, будто кости перемалывал. Капли конденсата падали на металлический пол с тягучим звоном.

– Евгений Сорокин?

В камеру вошел охранник. Тот самый, что встретил его в сталкерском баре.

– Вас хочет видеть Аркадий Семенович.

Следопыт послушно поднялся, направился к главному.

Руководитель научного комплекса «Заря-2» ждал у себя в научном отсеке. В том самом месте, где прошлым утром Сорока разговаривал с инженером Вершининым.

Не успел Сорока подойти, как дверь в отсек распахнулась и из нее вышел мужчина в синем камуфляже. Это был офицер военизированной группировки «Штаб», выполняющей функции жандармерии Зоны. Клан контролировал едва ли не все ключевые территории и вел активную борьбу с любым проявлением организованной преступности. «Штаб» в Зоне был по праву единственной ведущей силой, с которой считались все, кто находился по эту сторону Периметра.

Худой как трость, бледнолицый, с морщинами и как у рыбы большими глазами. Впалые щеки, длинная шея. Что примечательно – голова его была в бинтах, а на месте уха – красное пятно. Сорока прежде встречал его. В основном «Штаб» состоял из бывших военных, многие из которых на дух не могли переносить бродяг. Конкретно этот был из таких.

– О! – выдал офицер, завидев Сороку. – Сталкер!

За его спиной прозвучал знакомый голос: Земский.

– Все в порядке, это наш коллега.

Простояв в проходе, офицер недобро оглядел Сороку, но пропустил внутрь. Хмуро протянул:

– Коллега... Поменьше бы таких коллег. Может, и мир бы давно очистился.

Сорока пропустил его слова мимо ушей. Он не искал на свою голову проблем и просто проигнорировал выпад боевика.

– Здравствуйте, Аркадий Семенович.

Профессор, сидя за столом, делал какие-то записи. Несло тут спиртом и горелым пластиком. На столе, где вчера еще была мухобойка, теперь лежали стопки бумаг и фотографий. Рядом на каких-то чертежах – ноутбук, на экране которого шла загрузка.

Профессор на миг поднял голову, устало протянул:

– Сорокин, будь добр, проходи. Есть серьезный разговор. И прикрой за собой дверь. Ага, спасибо.

Сорока послушно сел на табурет.

Профессор Земский выглядел так, будто не спал неделю.

Белая рубашка с закатанными рукавами, запачканная желтоватыми разводами от реактивов, болталась на нем как на вешалке. Под глазами – фиолетовые мешки, кожа сероватая, как припудренная лабораторной пылью. Но взгляд – острый, словно скальпель. В одной руке – потрепанный блокнот с вырванными страницами, в другой – алюминиевая кружка. Не чай, не кофе – что-то мутное, остывшее. Пил он это механически, не замечая вкуса.

На столе перед ним валялись фотографии, испещренные пометками красным маркером.

Когда он поднял голову, Сорока увидел в его глазах не усталость, а холодный, методичный расчет. Как у хирурга перед сложной операцией.

Земский поправил очки и наконец выдал:

– Извини, что вытянул тебя в ночь и заставил ждать. Но и ты пойми, ситуация сам видишь какая.

Голос его звучал сухо, как ржавый подшипник, – не было в нем ни капли сожаления.

Сталкер кратко ответил:

– Я все понимаю.

В бункере было душно, но Сорока вдруг почувствовал, как по спине пробежал озноб.

– Мой коллега верил тебе. Поверю и я. Но сперва задам несколько вопросов.

Профессор взял со стола тонкую папку – дело сталкера Сороки. Было видно, что познакомиться с ним профессор еще не успел. У покойного Вершинина таких было несколько. Все – кандидаты в научно-оперативную исследовательскую группу.

– Сталкер Сорока... двадцать пять лет... Так, родился ты... в Подольске?

– Все верно, – кинул следопыт.

– Почти земляки, значит. Я-то сам из Королева.

Земский грустно улыбнулся и вновь уткнулся в папку:

– Образование среднее, вуз не закончил... Так, вот: ты в Зоне полгода. Имеешь опыт работы с аномалиями. Хорошо. Чем занимался до работы с Вершининым?

Сталкер поерзал на стуле, кратко ответил:

– Как все, подрабатывал на заказах.

– С какими аномалиями сталкивался?

Сорока пожал плечами:

– Да с разными. Гравитационными, электрическими...

– Приходилось ли тебе сталкиваться с аномалиями типа «зеркальной ряби»? Вершинин отмечал твою наблюдательность.

– Было дело.

– А «горящие холмы»?

– Дважды.

– Кроме Больших болот, бывал в других участках Зоны?

– Пару раз был на Ржавчине и в Заповеднике. Один раз шел в составе группы, в другой раз – с напарником...

– С напарником? – перебил профессор.

– Мы вместе взяли за задание. Временный компаньон.

– Ты полгода в Зоне. Многих сталкеров знаешь лично?

Следопыт задумчиво покрутил головой.

– Да нет... Ну то есть знаю, но точно не всех.

– Отношения с кланом «Штаб»?

– Не знаю, нейтральные.

– Враги, неприятели?

– Нет. Ну, надеюсь, что таких нет.

– Друзья, напарники?

– Прямо друзей – нет. Но отношения со всеми хорошие.

Сорока почувствовал, как грузик в кармане нагревается от сжатия. Эти вопросы копали глубже, чем казалось.

Земский ногтем постучал по столу, наморщил лоб.

– Вернемся к началу. – Он отложил папку в сторону. – Ты в Зоне полгода. По какой причине проник за Периметр?

Сороку словно ударили под дых. О таких вещах прежде с ним никто не говорил. Да и не принято это.

– Личный мотив, – выдал он, чувствуя, как сердце его колотится где-то в горле.

– Я спрашиваю, потому как обычно ваш брат сталкер все через одного с судимостями и не в ладах с законом. У тебя же, в отличие от многих, дело чистое. Таких в Зоне мало.

Сорока напрягся. Вспомнил Леру и все те дни, что тогда привели его в Зону. Что это было? Глупость. В чистом виде, как есть дурость. Не было в той истории ни великих подвигов, ни героизма. И вспоминать о том Сорока так и вовсе не любил. Как принято говорить – было да прошло.

Делиться этим он с профессором не стал, коротко ответил:

– Искал человека. Нашел, но назад не вернулся.

Земский долго смотрел ему в глаза, прежде чем отложил папку с надписью «Кандидат» в сторону. Шумно выдохнул.

– Хорошо... очень хорошо.

Сталкер чуть подался вперед, но вслух ничего не сказал.

– Есть вопросы? – поинтересовался профессор.

– Нет. А вообще-то да, есть, – решился сталкер.

– Слушаю.

Сорока покрутился на стуле, озвучил:

– Не совсем понимаю, к чему этот допрос. Ну то есть по пути сюда мне сказали, что ко мне разговор как к свидетелю...

– Свидетелю? – переспросил Земский так удивленно, что Сорока понял: кто-то где-то ошибся.

Земский снял очки и начал методично протирать линзы – явный признак, что он тянет время перед главным вопросом. На миг Сорока впервые увидел, как дрожали его веки. Пальцы, что протирали стекла, были покрыты желтыми пятнами – следы от каких-то химикатов или болезнь?

– Нет, Сорокин. – Земский наклонился вперед, и стало видно, что зрачки его расширены, как у человека, который не спал несколько суток. – Ты здесь не потому, что тебя кто-то в чем-то подозревает. А потому, что... мне нужна твоя помощь.

Грузик в кармане внезапно стал тяжелым, как гиря. Ладонь сталкера свела судорога – будто сам свинец бил в набат и предупреждал хозяина об опасности.

Профессор вдруг застыл, покусывая губу. Подметил:

– У тебя в кармане – что это?

Сталкер сжал грузик в руке.

- Талисман? – настойчиво уточнил собеседник.
- Не совсем. Скорее – напоминание.
- Напоминание?
- Вещь одного знакомого. – Сталкер запнулся, сглотнув. – Вернее, не совсем знакомого...

Сталкера.

Сорока отвел взгляд, кратко поведаль:

- Погиб в аномалии.
- А с собой зачем таскаешь? Суеверие?
- Он вручил мне перед смертью. Как память.
- Хорошо, пусть так. Суеверию в наших делах не место.
- Что нужно сделать? – спросил сталкер.

Земский снял очки, протер перемычкой переносицу, где остались красные следы от дужек, и медленно поднял на Сороку усталый взгляд.

– У меня для тебя задание... Нет, – тут же поправился он, сжав на столе кулак. – Я прошу тебя. Помоги мне разобраться в гибели моего коллеги, Глеба.

Сорока замер. Он ожидал от профессора чего угодно, но точно не этого.

– Вы хотите, чтобы я...

– Нашел правду, да, – перебил Земский. – В этом деле ну слишком много странностей. Начнем с того, что мой коллега вот так просто не покинул бы лагерь без моего разрешения. Кроме того, по необъяснимой причине именно сегодня в модуле не работали камеры видеонаблюдения. Понимаешь? А еще это.

Профессор звучно положил на стол пластиковое, почти крошечное устройство чуть крупнее пуговицы – личный трекер слежения. По краям предмета – едва заметные царапины.

– Персональный маячок Глеба. Благодаря ему искатели и обнаружили тело. А теперь вдумайся, – Земский придвинулся, – Глеб попал в гравитационную аномалию «клеть». Как сталкер с опытом, ты понимаешь, что происходит с человеком, который попадает в аномалию. Бах – и его разрывает! На куски! От Глеба и мокрого места не осталось... А его маячок – цел. Совпадение? Может быть. Но я не верю в совпадения.

Сталкер молчал. Странностей и правда хватало.

Где-то в вентиляции заскрипел винт, на миг показалось, будто кто-то что-то прошептал.

– А что сказал кладовщик? – спросил бродяга, вспоминая Дядю Сашу.

– Каптер, как и всегда, был занят своими делами и на свет не выходил. Он никогда не выходит...

Эти слова профессор произнес отстраненно, задумчиво, как если бы сам только сейчас вдумался в их смысл.

– Ну допустим. А как же тогда охрана и «Штаб»?

Профессор Земский презрительно прыснул.

– «Штаб», – процедил он и на миг побагровел.

Впервые сталкер заметил, что руки у Земского дрогнули, а взгляд на секунду вспыхнул.

– Эти полицаи в каждой бочке затычка. Объявились, как нашли тело, и сразу закрыли дело. Списали на Зону. И если честно... я им не доверяю.

Последние слова профессор почти прошептал.

– Слишком часто суют свой нос в наши дела, все лезут и лезут... Задают вопросы, интересуются исследованиями. Даже смеют запреты ставить... В общем, не нравятся они мне.

Военизированный клан «Штаб» и правда слишком часто и активно интересовался делами Земского и Вершинина. Сперва мимолетно, задавая вопросы, а потом обнаглел. Наблюдатели из «Штаба» не стеснялись вступать в проекты бункера, чем не раз вызывали раздражение у местных обитателей. Иногда Сорока и вовсе думал, что охрана бункера создана для

защиты не столько от мутантов и порождений Зоны, сколько от посторонних лиц. И в первую очередь – от боевиков военизированной группировки.

Объединение «Штаб» – едва ли не единственная во всей Зоне серьезная сила. Самопровозглашенная полиция запретной территории. Отличное снаряжение, хорошая экипировка и закалка бойцов – все говорило о том, что «Штаб» имеет серьезных покровителей за Периметром. Фактически клан контролировал едва ли не все ключевые точки и серьезно влиял на жизнь по эту сторону линии ограждения. Сталкеры клан не жаловали и откровенно старались не связываться с его боевиками. Хотя, как слышал Сорока, когда-то все было совсем иначе.

Объединение «Штаб» возникло почти два года назад, как раз в разгар нашумевшей на всю Зону Войны группировок. В ту пору между бандитскими формированиями шла серьезная борьба за богатые территории, полные хабара. Сталкеры тогда переживали тяжелые времена и едва давали им отпор. Вот в тот-то период в противовес крупным бандам и возник клан. Разгромив ОПГ, «Штаб» занял роль полиции Зоны и объявил войну бандитизму. Тогда-то по завершении конфликта случится еще один кризис – кладовые в Новосибирской Зоне резко опустели. Не то энергии аномальной не хватало, не то наоборот – артефакты все будто растворились. А потом весь хабар разом исчез и из Зоны. Для многих настали тяжелые времена. Особо для торговцев. Нет хабара – нет денег. Нет денег – зачем идти в Зону? Однако в какой-то момент на смену искателям артефактов пришли новые люди. Как оказалось, делать деньги в Зоне можно на всем. И не нужны никакие артефакты, чтобы разбогатеть. Кто-то взялся за частные заказы с Большой земли. Кто-то занялся охраной, как те же бойцы из «Акации». Другие охотились на зверей и выручали солидные деньги за их меха на черном рынке. Были и те, кто подался на Ржавчину, к шлаковым горам брошенной строительной техники, добывая и торгуя черным ломом. Этого добра в НЗО хватит еще на годы вперед. Находились и те, кто водил внутрь Периметра туристов и тоже выручал неплохие деньги. Не обошлось, конечно, без тех, кто пошел по скользкой дорожке, занимаясь грабежами и мошенничеством. В общем, несмотря на оскудевшие хабаром кладовые, сталкеры перенесли уготованные им трудности. Но изменилось с тех пор многое, и в первую очередь – военизированный клан «Штаб», который стал вести более агрессивную политику.

Сам Сорока те времена не застал. Не видел он артефакты и не нюхал пороха Войны группировок. Он принадлежал к новому, послевоенному поколению сталкеров. И о старой Зоне знал лишь по рассказам ветеранов. Но одно следопыт знал наверняка – если раньше «Штаб» и был другом нейтралов, то сейчас однозначно нет. За красивыми лозунгами «против всего плохого и за все хорошее» руководство скрывало свои интересы. Так что недоверие Земского Сороке было понятно.

Следопыт поерзал на стуле, уточнил:

– Хорошо, а вы сами что думаете? Кто-то и правда мог убить Глеба?

– Не знаю. Но одна зацепка у меня есть.

За стенами глухо грохнуло – то ли далекий взрыв, то ли гроза над Болотами.

– Скажи, тебе известен человек по кличке Митяй?

Следопыт задумался, напряг память. Пусто.

– Впервые слышу.

– Уверен?

– Да.

– А если подумать? Точно не знаешь такого?

– Не знаю.

Профессор выругался и ударил кулаком по столу так, что предметы на нем подпрыгнули.

– Зря я не спрашивал у Глеба про его дела со сталкерами. Это он привлекал сталкеров к работе, не я. И, если откровенно... я так и вовсе выступал против его связей с вашим братом. В общем...

Он тяжело выдохнул. Сорока почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.

– Недавно у моего коллеги побывал сталкер. Кличка – Митяй. Я не в курсе всех деталей, но, кажется, он просил моего коллегу настроить или починить какой-то странный прибор. Оставил его здесь, сказал, что вернется позже. Я в дела Вершинина не лез. А если они связаны со сталкерами – тем более. Но что-то меня еще в тот момент насторожило.

– И что Вершинин? – спросил сталкер.

– Что-что... Взглянул! Он любил со всем этим возиться. Я к чему веду – штука эта еще утром была здесь, в ящике. А сейчас ее нет. Как это объяснить?

Земский потянулся к ноутбуку, ткнул в экран пальцем. На черно-белой записи Сорока увидел Вершинина и незнакомца в пятнистом сталкерском камуфляже. Чужак стоял спиной, и его лица видно не было. Среднего телосложения, за спиной темный рюкзак, на плече повязка с надписью PRIBOI. Звук в записи отсутствовал, а ее дата – две недели назад. Профессор Земский поставил паузу и трясущимся пальцем указал:

– Вот он. Сталкер Митяй.

Митяй. Митяй.

Прозвище хоть и показалось следопыту знакомым, но он так и не смог вспомнить никого с таким именем.

Земский покусал губу и задумчиво сказал:

– Сведений мало. Но это хоть какая-то зацепка! Предмет этого сталкера исчез прямо из лаборатории в день смерти моего коллеги. Просто совпадение?

Следопыт неуверенно предположил:

– А вы не думали, что это мог быть Ковыряшка?

– Ковыряшка? – переспросил профессор.

– Он же часто совершает разные пакости, портит чужое имущество и саботирует работу.

Что ему стоит назло всем взять и выкрасть что-то из бункера?

Земский на секунду задумался, потом резко заявил:

– Нет, этот пакостник тут ни при чем. В этом я уверен.

Сталкер замотал головой и наконец выдал:

– Хотите сказать, кто-то убил Вершинина, подстроил его смерть, испортил камеры наблюдения и выкрал штуку, которую сюда принес какой-то сталкер? Это не слишком?

Взгляд у профессора был уставшим, но в то же время как скала твердым. Он едва пожал плечами и сказал:

– Вот это я хочу попросить тебя узнать. Согласись, ну уж слишком много странностей.

И как минимум подозреваемый.

– Сталкер Митяй?

– Именно, – заключил Земский.

– И вы хотите, чтобы я нашел его и допросил?

– Выяснил у него все, да.

В общем-то, в этом деле все было ясно. Чтобы все узнать и найти в Зоне сталкера, нужен был человек, знающий Зону на том же уровне. Простыми словами – другой сталкер. Сорока продолжал мять в кармане свой грузик. В голове у него так и гремел давно назревший вопрос.

– Почему я? – наконец решился он.

– Не понял.

– Вы вызвали именно меня. Почему? Я понимаю, почему вы решили воспользоваться услугами сталкера. Но из всех... я?

Где-то в трубах зашипел пар, и на секунду стало казаться – словно это змеиный шепот самой Зоны. Стук собственного сердца Сорока слышал четче, чем дыхание профессора.

Земский же указал на небольшую стопку папок в противоположном углу стола:

– Здесь все кандидаты Вершинина. Всего пять, включая тебя. Во-первых, именно тебя мой коллега советовал назначить старшим в научной оперативной группе искателей. И чаще других он отмечал и упоминал именно тебя. Он верил тебе. Только тебе. Никому больше. Кроме того, у меня было время изучить дела его кандидатов. Твое мне приглянулось больше всех.

Сорока медленно выдохнул. Грузик в кармане нагрелся – как если бы предупреждал о чем-то. Сталкер сильно сжал его, и свинцовые ребра впились в ладонь. На коже останутся следы – как от зубов.

Больше вопросов у него не было.

– Ну так что? Поможешь мне? – спросил Земский.

Его рука легла на папку с досье Сороки.

В бункере стало вдруг очень тихо. Даже капающая где-то вода замолчала. Лишь стул скрипел под сталкером, будто предупреждая, что в этой истории не все так просто.

Сорока замер. Грузик в кармане обжег пальцы – вроде как остерегая. Отказаться? Но тогда правда о Вершинине канет в болотную трясику вместе с его останками. А согласиться – значит шагнуть в темноту, где кто-то уже убил одного человека. Был ли у следопыта, в сущности, выбор? Конечно. Он не был ни подозреваемым, ни обвиняемым, и ничто не мешало ему плюнуть на это дело и просто уйти. Но поступить так он просто не мог. Подозрения Земского имели место быть, и не проверить их было бы неправильно. Нужно было хотя бы попытаться. В конце концов, благодаря похожей истории когда-то он и оказался в Зоне. Тогда он просто не мог поступить иначе. Не мог и на этот раз.

Одно в этой истории вызывало интерес: если Земский и в самом деле прав, кому и зачем могла понадобиться смерть профессора Вершинина? Да кто он, в сущности, такой? Простой инженер. Не полковник, не политик – инженер, который паял схемы, верил, что Зону можно понять. Кому вообще он мог помешать? Зачем нужна его смерть? Он не был жадным, не было у него меркантильных соображений. Никого не обманывал, и характер у инженера был что надо. Про таких обычно говорят – свойский. Не пользовался Вершинин ни положением, ни статусом. Относился к сотрудникам как к равным себе. Тогда сразу назревал следующий вопрос: что за странный прибор ему принес тот сталкер?

Сорока решил быстро. Без долгих раздумий.

– Я займусь этим. Найду Митяя и проверю вашу догадку.

– Спасибо, – шумно выдохнул профессор.

Его рука дрогнула, когда он поправил папку – как будто боялся, что Сорока передумает. В глазах мелькнуло что-то такое – не облегчение, а почти отчаяние.

«Он не просто хочет правды – он без нее задыхается», – мелькнуло в голове у Сороки.

– Одно условие, – внезапно добавил профессор, и его костлявые пальцы слабо сжались. – Никто не должен знать, что ты работаешь на меня. Мое задание – частного характера. Это ты хорошо понимаешь?

За стенами грохнуло, дрогнул пол – на этот раз явно не взрыв и не гроза. Вспышка вот-вот ударит. Лампа над ними моргнула, и на секунду в затемненном стекле ноутбука Сорока увидел свое отражение. Уставший, обросший. Сталкер даже не узнал себя и не сразу понял, что это он сам.

Сорока кивнул, поднялся с места.

– Я все понимаю. Никто не узнает.

– Отправись на рассвете. Начать поиски советую в том месте, что вы называете Рыжими топиями.

– Почему там? – сразу спросил сталкер.

Профессор на секунду задумался, а потом сказал:

– Мне известно, что Митяй имеет какое-то отношение к черным копателям. Это все, что могу сказать.

– Спасибо за подсказку. Этого достаточно.

– И помни – никто не должен знать о нашем разговоре.

Сталкер кивнул, но в голове тут же зародились вопросы. Откуда у старика такая уверенность, что Митяй копатель? И кто мог передать эту информацию?

Но вслух он ничего не спросил. Попрощался и ушел.

И тут началась Вспышка.

Бункер дрожал, как в припадке. Где-то за толстыми стенами Зона рвала себя на части – гул энергетического выброса накатывал волнами, заставляя вибрировать стальные переборки. Свет аварийных ламп мигал, отбрасывая на стены пляшущие тени, как если бы кто-то невидимый метался по коридорам.

Сорока лежал на жесткой койке в «номере» для гостей, но в итоге так и не смог заснуть. Грузик, зажатый в кулаке, жег ладонь – не холодом, не жаром, а чем-то неосязаемым, как если бы сама Зона шептала ему через этот кусок свинца.

Он прикрыл глаза – перед ними всплыл Вершинин.

Не тот, что лежал кровавыми лоскутами вокруг «клетки», а живой – с веселыми морщинами у глаз, когда он паял одну за другой схемы и бурчал что-то про глупые законы физики. За что его? Инженер. Чудак. Ни власти, ни денег – вера, и только.

А потом – Митяй.

Безликая тень с камеры. Что еще за надпись PRIBOI? Знак отличия? Или просто маркер, чтобы не спутать своих?

PRIBOI. Сорока провел пальцем по экрану ПДА. Ни в одной базе сталкеров таких позывных не значилось. Значит, тут явно что-то другое.

Вспышка ударила с новой силой – с полки напротив что-то звонко упало. Сорока привстал на локте, прислушиваясь.

– Митяй... Митяй... Кто же ты? – прошептал он во тьму.

Но ответом был только скрежет металла.

«Завтра, все завтра», – решил следопыт.

И повернулся на бок.

Уснуть сталкер смог только после того, как снаружи все стихло. Стихия прошла, и Зона успокоилась. На смену грохоту и гулу пришли тишина и далекий вой неизвестного зверя.

Глава 3

Визовый режим

На экране ПДА застыл черно-белый кадр из видеозаписи. Он увеличен, и качество плохое. На нем – мужчина среднего телосложения с рюкзаком на спине. Он стоит боком, и лица его не видно. На плече отчетливо проглядывается повязка с надписью PRIBOI.

Снизу подпись:

«Сталкер по кличке Митяй».

Земснаряд Червя

Дверь старого судна жалобно скрипнула, будто ее ржавые петли вот-вот развалятся. В проеме застыл Жорик – его куртка облепила тело, вода стекала на пол ручьями.

– Ну что там? – Червь оторвался от своих записей в журнале.

Охранник шумно швырнул промокшую куртку на ящик, отряхнулся, как пес.

– Хуже некуда. Ветер дует так, что деревья ломает.

– А тропа?

– Размыло.

Торгаш ударил кулаком по стойке, так что задрожали стаканы.

– Елки-моталки, твою ж мать! Опять никого не будет... Не придет твой проводник, – буркнул Червь посетителю. – С такой погодой – сиди до утра.

Тишина. Только дождь барабанил по крыше, а Жорик, прикорнув у входа, уже похрапывал.

Перебинтованный наклонился вперед, голос его прозвучал хрипло:

– И что – значит, Сорока начал поиски Митяя?

– Вроде того.

– К тебе обращался?

Червь медленно поднял взгляд. В его глазах читалась не то усталость, не то досада.

– Зачем ко мне? Митяй засветился среди копателей в той заднице мира, что на юго-востоке Болот. Рыжие топи. Да я бы и не смог ему ничем помочь, по правде говоря...

– А я думал, ты всех сталкеров знаешь, – подметил гость.

Лицо торговца налилось красным:

– Митяй – не... – Он сжал кулак так, что кости хрустнули. – Знаком я с ним! Будь моя воля – я бы его своими руками... Тип он мутный и крайне неприятный. Как змееныш – умеет исчезнуть из поля зрения. Ни друзей, ни упоминаний – все глухо.

Пришелец задумался, заметив раздражение торговца.

– Ты же сказал, что он вроде как копатель?

Червь нервно постучал пальцами по стойке:

– Нет! Ну то есть да, видели с ними.

– С копателями?

– Ну.

– Так у него же друзей нет.

– А с чего ты взял, что они друзья? – Торгаш резко наклонился вперед, и хромой гость почувствовал резкий запах перегара. – Сказал же – видели его просто с ними!

– В Рыжих топях?

– Верно. Был там хоть раз?

– Слышал только. Говорят, туда всего одна тропа ведет.

– Точно. Пропускной пункт – «Болотный домик»...

* * *

Несколькими сутками ранее

Утро

Начал Сорока с наводки Земского.

Не из доверия – просто других зацепок не было.

Все утро он ковырялся в электронной сталкерской сети в поисках хоть какой-то внятной информации о сталкере Митяе.

Как итог: ни фотографий, ни профиля, ни упоминаний.

Пусто.

Информационная сеть, известная как «Костер», – крупнейший сервис, который помнит всех. Даже тех, кого Зона давно перемолола в фарш. Самоубийц, пропавших, просто ушедших за кордон... Всех. От зеленых новичков, успевших сделать всего-то пару шагов за Периметр, до матерых ветеранов, что прописались в Зоне и знали каждый ее куст. Павших в «Костре» отмечали черной рамкой, а в графе «Статус» светилось значение «0». Так сленг пополнился глаголом – «обнулить».

Кто-то «обнулился» в аномалии, кто-то – от пули, а кто-то просто сгинул в каком-нибудь медвежьем углу, и даже Зона не захотела его трогать.

Так или иначе, в «Костре» были все. Даже те, кого никто не помнил. И в теории найти там можно каждого.

Но Митяя не было. Любая информация отсутствовала.

Как будто его никогда не существовало.

Стереть свои данные считалось невозможным. Скрыть от других – тоже. Сервис изначально создавался на открытости.

Это уже наводило Сороку на определенные мысли и так или иначе не могло не вызвать нехороших подозрений.

Потому наводка профессора пусть и была скудной, но это было хоть что-то, кроме плохого снимка из камеры бункера. Да и то на нем даже лица не видно.

Черные копатели, или, по-другому, диггеры, занимались в Зоне своим промыслом лишь в паре мест: на Ржавчине в северных районах и здесь, на окраине Больших болот, в Рыжих топях. Там в свое время затопили множество строительной техники после возведения массивного строения – Периметра. А как вода стала уходить, на груды черного лома пожаловали, точно стервятники на падаль, копатели. Так некогда гиблый и, казалось, на века брошенный клочок земли оказался лакомым кусочком.

Что примечательно, попасть в Рыжие топи можно только одной дорогой – через «Болотный дом», старый сырой клоповник на перешейке, где боевики из военизированного клана «Штаб» делили власть с бандитами.

Даже такая ведущая сила, как «Штаб», не везде могла, при всем своем могуществе и воле, навести порядок. Были и банды, с которыми клан заключил шаткий нейтралитет. И как раз Рыжие топи являлись таким местом. Причиной была едва ли не единственная целая дорога, ведущая от Периметра к центру. Эта дорога была важным узлом для клана, и во избежание засад или потери каравана руководство клана заключило мир с бандитами в данном регионе, подкупив их вожаков. Таким образом, бандиты из Рыжих топей не мешали караванам клана, а те взамен позволили контролировать Топи и взимать со сталкеров плату. Так регион стал фактически бандитским. А единственный проход к нему на перешейке превратился в нейтральную территорию.

«Болотный дом» – это клоповник на сваях, где «Штаб» и банды делили дань, как гиены делят падаль.

Сорока прибыл на перешеек еще утром и пополнил уже и без него собравшуюся очередь на ту сторону. Новоиспеченные копатели прибывали в Рыжие топи пачками. Но были тут и те, кто уже давно занимался этим делом.

Сперва все проходили досмотр и проверку. Получали у клана разрешение, и далее – та же процедура у местных бандитов. Разумеется, с оплатой пошлины за право прохода.

Обычно этот процесс проходил быстро, но сегодня чуть ли не с зари образовалась очередь, а проверка затянулась.

Досмотр тормозили уже несколько часов. Бродяги кучно топтались на одном месте, плевали под ноги, курили – время по эту сторону Периметра текло как густая грязь сквозь пальцы.

– Ну чего они тянут? – не выдержал кто-то.

Его поддержал сиплый пропитой голос:

– Тот же вопрос! У меня контракт горит! Караван уйдет – я ж их потом ни в жизнь не догоню!

– Тут как в цирке, – хрипло засмеялся третий, шаркая по скользким доскам рваным сапогом. – «Штабники» с утра все как на иголках. То ли ищут кого, то ли просто с бодуна злые.

– Ищут, гады, – буркнул четвертый, с лицом, изъеденным не то оспой, не то какой-то химией. – Слышал, вчера нападение на их патруль было. Двоих потеряли...

– Да фигня все это, – перебил пятый, с забинтованной рукой. – Просто денег хотят. Опять, поди, пошлину подняли.

– А ты заплати и не ной, – бросил кто-то из толпы. – Еще скажешь, сам на ломе ставки не завываешь?

– Завываю. Как тут не завывать, с такими пошлинами!

– Вот и им сверху за хлеб – за воду подняли. А они – нам.

Тишина. Где-то капля упала в лужу.

Топтались все у стоек на летней веранде, где было что-то вроде столовой. На бар не тянуло – так, чтобы скоротать время. Здесь пили, ели, торговали и ждали очередь на проход. И все это – под скрип гнилых досок, вой ветра в щелях и тихий смешок Зоны, что наблюдала за тем, как люди делят ее грязь.

Длинный, кривой, как позвоночник утопленника, «Болотный дом» торчал из топи на гнилых сваях. Когда-то здесь ловили рыбу, теперь ловили деньги и пули.

Две половины – два мира.

Слева – «Штаб»: летняя веранда для ожидания, чистота – почти военная, но фальшивая. Лампы горят ровно, на стенах, как по линейке, – агитационные плакаты. У входа – часовые. Напротив входа символика клана: восьмиконечная звезда поверх гвоздики, накрест прошитая стрелами.

Справа – бандиты. Тьма, пропахшая перегаром, по`том и кровью. Столы липкие, стены в копоти, на полу – высохшие, но пока с явными человеческими очертаниями пятна.

Посередине – нейтральная территория, где гиены и волки временно не грызутся, а мило улыбаются друг другу. Словно бы государственная граница с двумя пропускными пунктами. Что в целом отвечало реальности. Чтобы пройти в Рыжие топи и быть уверенным, что не возникнет проблем, сталкеры покупали так называемую «визу» – право на деятельность. Так что в каком-то смысле «Болотный дом» и правда служил чем-то вроде разделяющей границы двух негласных государств.

Сорока стоял у стойки, лениво листал ленту новостей на своем ПДА и слушал монотонную болтовню бродяг. По крыше стучал дождь, в воздухе пахло плесенью и болотной тинной.

– Рыжие топи? Да тут целая история, – проговорил на вид крепкий, матерый копатель давно за сорок. – Слышал, до аварии – ну, Катастрофы – тут заводь была. Красивое место – вода

чистая, всюду ивы... А потом, как Зона появилась, строительство пошло полным ходом. Барьер армейский возводили. Причем не первый он, а второй. Первую стену вояки еще на Ржавчине строили. Но потом – бах! – и Зона расширилась до нынешней границы. И пошло-поехало... Бульдозеры, краны, экскаваторы со всей страны как в войну везли. Вахтовиков эшелонами гнали. Ну и построили!

Рассказчик на миг замолчал, выпил, икнул:

– Только потом выяснилось, что добро все заражено.

– Радиацией? – спросил молодой голос.

– Да какая радиация? Здесь же не Чернобыль! В Зоне еще с советских времен своя гордость стоит – химкомбинат. Дряни от него скопилось столько... на годы хватит. Вот от него и тянет.

– И что в итоге? Всю технику там и бросили?

– Утопили, да. В надежде, что никому в голову не придет в зараженные воды нырять. Но прошли годы, и Зона в щедрости своей добром поделиться решила. После какой-то из Вспышек вода вся в землю ушла. Будто пробку выдернули. Вот и получился настоящий ржавый некрополь в топях. Столько там всего открылось... Грузовики, экскаваторы, бетономешалки. Как будто гигантский ребенок в песочнице наигрался и бросил. Ну а дальше уже сам догадываешься, что случилось.

Молодой задумчиво предположил:

– Потянулись сталкеры?

– Именно. И по сей день тянутся. Как на мусоре начали деньги делать – толпами повалили. И дигтеры, и бандиты...

– А ты тоже на заработки?

Скрип досок под ногами напоминал стоны утопленников.

– Парень, ну а зачем же еще? – усмехнулся рассказчик. – Не на красоты посмотреть уж точно.

Кто-то из бродяг громко засмеялся. А кто-то ударил по стойке и прошипел:

– Да скоро они там, нет?! Чего время тянут?!

Другой спросил, обращаясь к толпе:

– А кто про Вишню знает? Змееныш гнилой. Молодняк дурит. По слухам, где-то в Топях прячется.

– Не слышал.

– Аккуратней будьте. Эта скотина много кого кинула уже и наверняка под другим именем скрывается.

Сорока убрал ПДА. А бродяги все шептались между собой:

– Я слышал, Астроном накрылся. Выполнял крутой заказ, и уже на обратном пути его Вспышка настигла. Завалило парня. Эх, чую я, за добром его уже охота началась...

Воздух был густым от болотных испарений, теплым и горьким, как сама Зона, вперемешку с дымом дешевого табака. А дорогомую взяться было неоткуда.

Сталкер зажмурился, представляя, столько таких же, как он, шли в эти топи за мечтой. Каждый второй рассчитывал изменить свою жизнь к лучшему – и в итоге остался здесь навсегда. А другие возвращались сюда снова и снова, обманывая себя, что этот раз – точно последний.

В унисон его мыслям молодой голос снова спросил:

– И много получается зарабатывать?

Рассказчик смутился от вопроса, полюбопытствовал:

– Парень, а тебе это зачем?

– Ну, так я же...

– К чему эти расспросы?

– Я же объяснял, я...

Их диалог прервал вышедший на веранду «штабист»:

– Проходим, не торопимся.

Голос у него будто скребущий по железу. На поясе – чуть ли не до блеска начищенная кобура на фоне грязного синего камуфляжа. Боец потоптался и предупредил:

– Проходим по двое.

«Как скот на убой», – пронеслось в голове у Сороки.

Сталкеры вокруг зашевелились, забубнили, построились. Как и велено – разделились по два человека.

Следопыт осмотрелся, выискивая себе пару. За спиной послышалось:

– Мужик, ты один? Не против, если я с тобой пройду?

Бродяга обернулся. Перед ним стоял молодой парнишка в потертой бежевой куртке и стандартном снаряжении новичка. Он нервно теребил потрепанный ремень рюкзака. В глазах так и читался немой вопрос: «Возьмете?»

– Пойдем, – согласился сталкер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.